

Регина Джи, Сонечка Карабаева

16+

Красные ленты
рассвета

Регина Джи

Красные ленты рассвета

«Автор»

2026

Джи Р.

Красные ленты рассвета / Р. Джи — «Автор», 2026

Семнадцатилетнего москвича Даню Тарковского отправляют доучиваться последние месяцы школы к дяде — в маленький провинциальный Воткинск, который кажется ему скучным, серым и совершенно чужим. Он уверен: здесь не может случиться ничего важного. Он ошибается. Влюбляется по-настоящему впервые в жизни и найдёт друга, за которого готов будет держаться до конца. Здесь он научится быть собой, а не тем избалованным и высокомерным парнем, которым привык казаться. «Красные ленты рассвета» — трогательная и честная история о первой любви, настоящей дружбе и взрослении, которое начинается с нежелания принять новый дом, а заканчивается пониманием того, что по-настоящему дорого в жизни — пока не стало слишком поздно.

© Джи Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Биология	6
Глава 2 Глаза в глаза	9
Глава 3 Тягучие карамельки	11
Глава 4 Желтые тюльпаны	14
Глава 5 Гранатовый браслет	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сонечка Карабаева, Регина Джи

Красные ленты рассвета

Пролог

Домашний кабинет был пропитан густым запахом дорогих сигар. Разговор начался ещё затемно: сизый дым лениво тянулся к приоткрытому окну и таял в ночном воздухе. Сергей Андреевич — грузный мужчина лет пятидесяти с седыми висками и тяжёлым, немигающим взглядом человека, привыкшего добиваться своего, — стоял у окна и смотрел на шумный ночной мегаполис. Гул машин и мириады огней окутывали город внизу, как живое, дышащее существо.

— Ты понимаешь, о чём я тебя прошу? — Сергей Андреевич не спрашивал, он утверждал. Голос его звучал глухо, будто доносился из-под толщи воды.

— Он не вписался в Москву. Выгнали. Точнее, намекнули: «уходите сами, пока не исключили». Директор лицея, его младший брат Матвей Андреевич — мужчина куда более мягкий на вид, с усталыми морщинками у глаз и вечной привычкой сутулиться над бумагами, — устало потёр переносицу. Он сидел в соседней комнате, листая с женой старый семейный фотоальбом, и голос брата доносился до него через приоткрытую дверь.

— За что? Драка? Или что похуже? — спросил он без осуждения, скорее уточняя диагноз, как врач у постели больного.

— Хуже. Скука, — отец криво усмехнулся, и в этой усмешке было больше горечи, чем веселья.

— Сказал дословно: «Там уровень детского сада. Я за месяц прошёл то, что они год жуют». Представляешь? В семнадцать лет — уже «скучно». Матвей Андреевич отложил альбом и посмотрел в тёмное окно. За стеклом расстилался Воткинск — не столько город, сколько набросок акварелью: приземистые дома, тусклые фонари, редкие прохожие, спешащие по своим делам. Небо на горизонте медленно окрашивалось в холодный розовый цвет апрельского заката.

— Как смотришь на то, чтобы он переехал в Воткинск и тут доучился? — произнёс он наконец. — Город маленький, соблазнов и развлечений почти нет. Может, оно и к лучшему.

Глава 1. Биология

Парень сидел на кровати, поджав под себя ногу, и смотрел в окно. Новый вид не впечатлял: он казался блёклым, будто кто-то незаметно выкрутил насыщенность красок на минимум. По сравнению с яркими огнями Москвы этот богом забытый город только разочаровывал. Сколько времени придётся здесь провести, парень не знал, но задерживаться дольше необходимого точно не собирался. Слишком холодно. Слишком грязно. Слишком чужое. Даня — высокий, худощавый семнадцатилетний парень с тёмными, почти чёрными глазами и дорогой, явно не местной стрижкой — уже почти провалился в тягучую тоску, когда резкий стук в дверь заставил его вздрогнуть. Он перевёл взгляд на дверь, лениво моргнув, будто просыпаясь от неприятного сна.

— Даня, может, прогуляешься до магазина? Сходи, развейся немного, — голос тёти прозвучал мягко, но в нём читалась плохо скрытая надежда. Её каштановые волосы спадали на плечи поверх домашнего синего халата, а тёплые карие глаза смотрели на племянника с той самой материнской заботой, от которой одновременно хотелось, и обняться, и сбежать. Он промолчал. Только сжал челюсть и снова уставился в окно, где медленно угасал серый апрельский день. Ему не нужны были прогулки. Ему нужен был нормальный город. Нормальная жизнь. Но выбора, как обычно, у него не спрашивали.

— Да, хорошо, схожу. Вам что-нибудь купить?

— Нет, не переживай, ничего не надо. Если захочешь — можем поговорить, если тебя что-то тревожит, — тётя улыбнулась, поправляя воротник халата. Парень тоже натянул улыбку — ту самую, дежурную, что никогда не касалась глаз. Поднимаясь с кровати, он бросил коротко:

— Нет, у меня всё в порядке. Пойду прогуляюсь. Он накинул чёрное худи поверх белой футболки и вместе с тётей вышел в коридор. Шаг его был уверенным, почти нарочито небрежным, но внутри всё сжималось от одной - единственной мысли: этот город никогда не станет его домом.

Улицы были грязноватыми от подтаявшего снега. Небо — серое, тяжёлое, будто вот-вот обрушится прямо на головы прохожим. Дорогие кроссовки Дани быстро покрылись грязью, и он с досадой покосился на них, мысленно выругавшись: «Первая же прогулка — и уже всё испорчено».

Поднимаясь к магазину, он пересёк дорогу у бело-голубого Собора — аккуратного, светлого здания, будто перенесённого сюда из совсем другой эпохи. Забавным казалось соседство: прямо рядом с собором стоял памятник Ленину. Даня усмехнулся про себя: вот это компания — вера и советское прошлое бок о бок. Только этого сочетания ему в этом городе и не хватало. Недалеко от храма он заметил девушку с картонной коробкой в руках. Взгляд в пол, растерянные, немного суетливые движения. Попрошайка, решил он. Не глядя, вытащил купюру и уже собрался бросить её, но в последний момент замер. Девушка — с рыжеватыми волосами, выбивавшимися из-под вязаной зелёной шапки, — стояла у храма с коробкой, на которой было выведено слово «Благотворительность». Она оступилась, и несколько монет со звоном покатились по мокрому асфальту. Опустившись на корточки, девушка принялась собирать их — руки покраснели от холода, покрылись мелкими капельками растаявшего снега. От усердия на лбу у неё выступила крошечная испарина. Он смотрел на неё сверху вниз, затем всё же достал купюру и кинул в коробку, даже не потрудившись нагнуться.

— Это не милостыня, забери обратно, — сказала девушка, поднимая на него глаза. В них не было ни капли благодарности. Только холодная, колючая злость. Он оглядел её с высоты своего роста и бросил равнодушно:

— Я бы так не сказал. Парень развернулся и, не обращая больше на неё внимания, продолжил путь к магазину. Даже не оглянулся. Карина проводила его взглядом, до боли сжала пальцы на ручке коробки и молча пошла дальше. Но лицо его она запомнила — надолго.

Апрельское солнце уже прогревало асфальт. Даня неторопливо шагал в сторону лицея, где ему предстояло провести пару месяцев до окончания выпускных экзаменов. Вообще-то он бы и не пошёл в эту школу — и так было ясно, что провинциальное учебное заведение мало чему сможет его научить. Если в Москве было скучно, то здесь, судя по всему, будет и того хуже. Подходя к воротам, он сжал лямку рюкзака, разглядывая своё временное пристанище. Поднявшись по ступенькам, толкнул тяжёлую дверь и вошёл в незнакомые коридоры. Вскоре добрался до кабинета дяди, но внутри никого не, оказалось — пришлось ждать, пока тот вернётся с обеда. Мимо пробежали младшеклассники, спешившие успеть в класс раньше учителя. Тут Даня заметил розовый бантик, приколотый к белокурым волосам, и уловил сладковатый аромат — что-то среднее между ежевикой и ванилью. Мелькнула мысль: и в этом захолустье, оказывается, водятся хорошенькие девочки. Не теряя времени, он окликнул её:

— Бантик, ты номерок потеряла. Девушка неожиданно остановилась, повернулась и с виду невинно, но явно растерянно принялась искать пропажу — ощупала карманы, заглянула в рюкзак. Пока она была отвлечена, Даня подошёл вплотную и тихо, почти шёпотом, обронил: — Мой номерок. Девушка резко подняла голову. Смутилась. Слегка покраснела — сначала щёки, потом кончики ушей. Поправила прядь волос, нервно смяла в руках лямку рюкзака. Помолчала. А потом всё же ответила — тихо, с вызовом, но почти всерьёз:

— Ты странный. Новенький что ли?

Она внимательно всматривалась в черты его лица, будто пыталась запомнить каждую деталь или найти какой-то подвох. Даня не отвёл взгляда — наоборот, слегка наклонил голову, разглядывая её в ответ с не меньшим любопытством.

— Можно и так сказать, — усмехнулся он. — До окончания экзаменов. Его взгляд скользнул по её белоснежной рубашке, и он снова уловил тот же сладковатый аромат — ягоды, лёгкие духи, что-то совсем летнее, неуместное посреди холодной весны.

— Так что, дашь свой номер? Прогуляемся как-нибудь, — сказал он буднично, будто предлагал не больше, чем списать домашнее задание. Алиса — невысокая, светловолосая девушка с чуть вздёрнутым носом и по-детски открытым лицом — смотрела на него секунду-другую, а потом закатила глаза. Впрочем, в этом жесте было куда больше смущения, чем настоящей насмешки. Она достала из кармана телефон, быстро набрала пароль и протянула его парню. Он так же быстро вбил номер и вернул устройство.

— Так как тебя зовут? — спросила она, уже чуть спокойнее.

— Данил, — он сделал короткую паузу и добавил с лёгкой улыбкой: — Тарковский. Алиса перевела взгляд на дверь кабинета директора, где виднелась табличка с той же фамилией, а затем снова на парня. Он лишь пожал плечами и загадочно улыбнулся. Она нажала «сохранить».

— Я Алиса, — наконец назвала своё имя и, уже окончательно смутившись, убрала телефон в карман. Даня поднял взгляд в сторону коридора и увидел приближающегося дядю. Матвей Андреевич тут же выпер взглядом Алису и без лишних предисловий спросил:

— Алиса, почему не на уроке? Остановившись рядом с подростками, он посмотрел сначала на племянника, потом на девушку, ухмыльнулся, положил руку на плечо Дани и увёл его в кабинет, закрыв за собой дверь. Алиса осталась в коридоре, глядя на закрытую дверь и пытаясь понять, что вообще сейчас произошло и кто такой этот странный новенький. Но теперь у неё был его номер телефона.

— Кристина и Вика точно обзавидуются, что она первая с ним познакомилась.

Матвей Андреевич и Даня прошли в кабинет. Директор опустил в своё кресло и жестом указал племяннику, куда присесть.

— Ну и что, опаздываем? — Дядя улыбнулся, раскладывая по папкам документы, начатые ещё до обеда. Даня ухмыльнулся и решил съязвить:

— Опоздал, поедая сырки с любимой тётей. Вы должны меня понимать — такое нельзя пропускать.

— Весь в отца, — рассмеялся Матвей.

— Кстати, отец сказал, что я буду учиться в «Б» классе. А можно в «А»?

— А чем тебе «Б» не угодил?

— В «Б» классе одни отбросы учатся. Матвей Андреевич недовольно нахмурился и сказал, что в «А» классе просто нет свободных мест.

— Даня, давай договоримся: ты не устраиваешь здесь разгром и ведёшь себя тихо, а я вместе с аттестатом отдам тебе билет на самолёт сразу после выпускного. Даня усмехнулся и протянул руку:

— Договорились, дядя директор. Они вышли из кабинета и направились к кабинету биологии, где как раз шёл урок у 11 «Б». Уверенный стук в дверь — и директор вошёл вместе с племянником. Весь класс поднялся. Матвей Андреевич жестом велел детям сесть на места. Именно тогда Даня заметил ту самую девушку, что утром собирала «милостыню», и тихо сказал дяде:

— Я же говорил, что тут одни отбросы. Учительница биологии попросила Даню занять свободное место. Он прошёл вглубь класса и увидел только два пустых стула: один рядом с той самой девушкой, другой — рядом с каким-то парнем. Смерив девушку взглядом сверху вниз, он опустился на стул рядом с парнем. Учительница монотонным голосом велела открыть учебники и тетради. Даня молча достал из рюкзака учебник по биологии — потрёпанный, с загнутыми уголками страниц, — сразу открыл нужную страницу, положил его на парту и раскрыл тетрадь. Ручка легла рядом, готовая к работе. Сосед наблюдал за этим с нескрываемым удивлением, приподняв бровь.

— Эй, а откуда учебник? — спросил он с неподдельным интересом, наклонившись чуть ближе. — Нам их что, выдавали?

Даня непонимающе взглянул на него. Кожа парня была чуть загорелой, волосы тёмно-каштановые, как и глаза, которые сейчас смотрели на Даню с весёлым любопытством. Даня уже собирался что-то ответить, но его перебили.

— Да ладно, забей. Я ж шучу, — сосед толкнул его плечом. — Я думал, сегодня физкультура вместо биологии.

— А где форма?

— Так биология же. Оба рассмеялись под сердитым взглядом учительницы, которая уже нетерпеливо стучала указкой по столу.

— Тебе листочек нужен? — шёпотом спросил Даня.

— Конечно, и учебником поделись! Не дожидаясь ответа, парень — крепко сбитый, широкоплечий, с копной вечно растрёпанных волос и вечно смеющимися глазами — потянул учебник на середину стола.

— Меня, кстати, Кирилл зовут.

— Даня, — ответил тот, поправляя воротник рубашки, которая сидела на нём безупречно и казалась слишком официальной для этого класса.

Глава 2 Глаза в глаза

Шёпот одноклассников наполнял кабинет, но учительница быстро пресекла все разговоры. Новенький появился в их классе диковинкой под самый конец учебного года. Карина сразу заметила его взгляд на себе и увидела, как он что-то сказал директору. Тот лишь покачал головой и вышел из кабинета. Парень тем временем прошёл вглубь класса в поисках свободного места. Карине совсем не хотелось, чтобы он сел рядом: ей было хорошо с Игорем, и лишний сосед в лице этого выскочки был ни к чему. То, что случилось вчера у храма, до сих пор не укладывалось у неё в голове. Девушка — невысокая, рыжеватая, с упрямо сжатыми губами и большими карими глазами, в которых сейчас читалась плохо скрываемая злость, — быстро положила на соседний свободный стул свой потёртый портфель с давно оторванным и так и не пришитым ремешком. Но парень этого не заметил и сел рядом с Кириллом Новиковым. Карина сжала кулаки, глядя на него: эмоции переполняли её, хотелось высказать всё, что она о нём думает. Единственным, с кем можно было этим поделиться, оставался Игорь. Но он сейчас был на тренировке перед хоккейным матчем. Она знала его всю свою жизнь — помнила, как её мама вместе с мамой Игоря впервые привели их на его игру. Девочка лет пяти с нелепыми косичками смотрела, как он неуклюже катается на коньках. Годы шли, а Карина так и не пропустила ни одного домашнего матча «Ракет». Ей было легко и спокойно с Игорем, хотя на его уговоры выйти на лёд она неизменно отказывалась — слишком боялась упасть.

Наконец прозвенел долгожданный и мучительно тянувшийся звонок с урока. Карина быстро собрала в портфель учебники и тетради и почти бегом бросилась из класса, случайно (или не совсем случайно — она и сама не поняла) толкнув Даню плечом. Выбежав из кабинета, девушка, перепрыгивая через две ступеньки, спустилась вниз и помчалась к ледовой арене, где вот-вот должен был начаться матч. На дорогу у неё оставалось от силы десять минут, и чем быстрее она добежит, тем лучше. Выскочив из школьного двора, Карина на ходу застегнула куртку и понеслась дальше. Остановившись на светофоре, она нервно оглядывалась по сторонам, проверяя машины. Наконец вспыхнул спасительный зелёный сигнал — и девушка сорвалась с места. Шапка так и норовила слететь с головы, приходилось придерживать её рукой; волосы лезли в лицо, и она то и дело отбрасывала их в сторону. Вот и последние несколько ступенек — она уже почти на месте. Добежав, Карина кивнула охраннику, Игорю Петровичу, и тот с улыбкой кивнул в ответ, не отрываясь от кроссворда. Забежав внутрь, девушка пробиралась к своему месту вдоль рядов, невольно задевая каждого сидящего на трибунах зрителя. Устроившись наконец на своём стуле, она принялась искать глазами друга на льду. Через несколько секунд она разглядела знакомый силуэт и надпись на хоккейном джерси с номером 27 — «Ломаев». Заметив, что парень тоже её увидел, она замахала руками, радуясь так, будто среди чёрно-белого фильма он был единственным цветным кадром. К нему подкатил товарищ по команде и, заметив Карину, шутливо толкнул его кулаком в плечо; парни переглянулись и покатали каждый к своей скамейке. Только Игорь ненадолго задержался, повернувшись в сторону Карины. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза сквозь прозрачное стекло борта. Игорь — центральный нападающий «Ракет», высокий, широкоплечий, со светлыми волосами, выбивавшимися из-под шлема, — даже на расстоянии сумел улыбнуться ей одними глазами. Началось вбрасывание. Игроки молниеносно разлетелись по площадке. Шайба стремительно переходила от игрока к игроку, будто была живой. «Ракеты» сразу захватили инициативу: передачи следовали одна за другой, защитники «Аквы» едва успевали их перехватывать. Первый опасный бросок пришёлся на третью минуту — вратарь гостей с трудом отбил шайбу, но на добивание никто не успел. В ответ «Аква» провела резкую контратаку, и трибуны на мгновение замерли: шайба звонко щёлкнула о штангу. Игра развивалась стремительно, держа болельщиков обеих команд в напряжении. Каждая смена состава, каждая стычка

у борта встречалась то вздохом разочарования, то взрывом восторга. К концу первого периода счёт всё ещё оставался нулевым, но напряжение только нарастало. Карина никак не могла выбросить из головы утренний случай в школе — ей не терпелось всё рассказать Игорю. Она сидела почти в трансе, пока вокруг неё болельщики выкрикивали слова поддержки. Внутри кипели злость и раздумья о том парне — как она успела услышать, его звали Даня, и он приехал из Москвы. Хотелось рассказать Игорю и про случай с коробкой у храма, и про то, что этот высокомерный тип оказался новеньким в их классе. «Ракеты» владели шайбой почти безраздельно, но Карину не отпускали мысли о новом однокласснике; теперь, помимо злости, у неё было ещё и его имя. Ей было любопытно: почему он вообще оказался в их маленьком, по её мнению никому не нужном городе? От навязчивых мыслей отвлёк только сигнал об окончании периода. Оставшееся время Карина болела за свою команду вместе с остальными зрителями. Матч завершился победой «Ракет». Карина вышла на улицу вместе с другими болельщиками, дожидаясь друга из раздевалки. Потирая замёрзшие пальцы, она выдохнула, и с губ сорвался лёгкий пар. Оставалось немного — вот-вот Игорь выйдет, и они вместе пойдут домой через парк. Вечерний апрель всё ещё морозил щёки и руки. Парень подошёл и набросил ей на плечи сине-белый шарф с надписью «Ракеты». Девушка вздрогнула от неожиданности, выныривая из своих мыслей. Игорь стоял перед ней, куртка съехала на один бок под тяжестью баула с хоккейной формой. Резким движением Карина обхватила его за шею и вскрикнула:

— С победой!

Парень легко приобнял её за талию своими большими руками и на секунду приподнял над землёй. Опустив девушку обратно, он взглянул на неё серо-голубыми глазами, в которых мелькнула тень беспокойства: что-то в ней сегодня было не так, она казалась растерянной, рассеянной. Влажные от пота светлые пряди предательски лезли ему в глаза.

— Как тебе мой гол во втором периоде? — спросил он, не отрывая взгляда от её карих, чуть растерянных глаз. Карина на мгновение замерла, судорожно перебирая в памяти прошедшую игру.

— Да, это было круто... Ты такой молодец, — торопливо выпалила она.

Несколько секунд парень молчал, а затем по улице неожиданно разнёсся резкий смех. Лицо его мгновенно изменилось.

— Карин, ты серьёзно? Не было никакого гола во втором периоде, — расстроено проговорил он. — Что с тобой сегодня?

Карина нервно закусил губу и виновато опустила глаза.

— Прости, это всё новенький. Перешёл к нам из московской школы, Даня вроде зовут. Он вообще странный. И бесит меня! — торопливо затараторила девушка, но Игорь мягко её остановил.

— Карин, пошли, я провожу тебя до дома, и ты расскажешь всё нормально.

Девушка успокоилась и по дороге в подробностях пересказала и первую встречу с Даней у собора, и то, как высокомерно он смотрел на неё в школе. Время летело быстро. Друзья спустились на ещё заснеженную набережную и пошли рядом. Игорь внимательно слушал, задумчиво глядя перед собой, и вдруг заметил впереди идущую пару.

— Карин, а это не Алиса Маркова случайно? — спросил он.

Карина подняла взгляд и увидела, что навстречу им идут Даня и Алиса. На долю секунды они с Даней задержали друг на друге взгляды и молча разошлись.

— С этим... — сквозь зубы процедила Карина.

Глава 3 Тягучие карамельки

После первого дня в новой школе мысли Дани были смешанными. Той тяжести, с которой он переступал школьный порог утром, уже не осталось и следа. Оказалось, что всё не так плохо, как он себе представлял. Новая жизнь по-прежнему казалась чужой, непривычной и немного пугающей, но сама школа явно не была тем местом, которого стоило бояться. Здесь были обычные люди, обычные разговоры, шутки, уроки — и даже те, с кем хотелось продолжить общение.

Парень устало растянулся на кровати в своей комнате и несколько минут просто смотрел в белый потолок, пытаясь привести мысли в порядок. За окном медленно угасал весенний день, а сквозь приоткрытую форточку тянуло прохладным апрельским воздухом, смешанным с запахом сырого асфальта после недавно растаявшего снега. Спустя пару минут Даня взял телефон и машинально пролистал ленту новостей. Одни и те же фотографии, бессмысленные видео, бесконечные мемы быстро наскучили. Сонливость постепенно накрывала его, веки тяжелели. Он отбросил телефон на соседнюю подушку, закрыл глаза и прислушался к далёкому гулу машин с улицы. Этот однообразный шум неожиданно успокаивал, и сознание медленно погружалось в лёгкую дрему.

Тишину резко разорвал звук уведомления. Недовольно поморщившись, Даня, не открывая глаз, нащупал телефон и поднёс его к лицу. Одного взгляда на экран хватило, чтобы остатки сна мгновенно испарились.

Сообщение было от Алисы.

Девушка предлагала прогуляться, объяснив это тем, что хочет показать ему город и несколько мест, которые редко замечают приезжие. Даня невольно улыбнулся. Раз уж сон всё равно окончательно пропал, откладывать прогулку не было смысла. Он быстро набрал ответ, что согласен, после чего за пару минут собрался, накинул лёгкую куртку и вышел на улицу. Стоило двери подъезда закрыться за спиной, как прохладный ветер заставил его невольно поёжиться. Куртка оказалась слишком тонкой для апрельского вечера, но возвращаться домой он не собирался — юношеский максимализм уверенно подсказывал, что холод сущая мелочь. Алиса заранее прислала свой адрес. К удивлению Дани, девушка жила буквально в соседнем доме. Добравшись до нужного подъезда, он остановился у входа. Минуты тянулись медленно. Чтобы хоть немного согреться, парень несколько раз прошёлся вдоль дома, разгребая носками кроссовок остатки грязного снега. Весна постепенно вступала в свои права, но холод пока не собирался отступать.

«Опаздывает... Ну ладно, девушкам, кажется, положено», — усмехнулся он про себя.

Спустя ещё несколько минут дверь подъезда наконец открылась, и на улицу вышла Алиса. Она была почти на голову ниже Дани. Светло-русые волосы мягкими волнами спадали на плечи, а большие голубые глаза казались особенно яркими в прохладном вечернем свете. На ней был светлый пуховик, аккуратно повязанный шарф едва заметно колыбался на ветру.

Когда девушка подошла ближе, Даня уловил лёгкий аромат ежевики — ненавязчивый, сладковатый, свежий.

— Привет, — немного смущённо сказала Алиса.

— Привет.

Несколько секунд оба ощущали лёгкую неловкость.

— Может, прогуляемся по набережной? — предложил Даня, про себя досадуя на свои кроссовки. — Там, наверное, уже сухо.

— Хорошая идея.

Они неспешно направились в сторону парка. Первые минуты оба молчали, будто не могли решить, с какой темы начать разговор. Иногда взгляды пересекались, кто-то собирался что-

то сказать, но слова так и не находились. Город выглядел серым и сонным. Пруд всё ещё был затянут тонкой корочкой льда, деревья стояли голыми, а одинаковые многоэтажки растворялись в пасмурном вечернем небе.

Лишь лёгкий ветер приносил едва уловимый запах влажной земли и молодой травы, будто напоминая, что до настоящего мая осталось уже совсем немного. Заметив, как Даня разглядывает окружающий пейзаж, Алиса первой нарушила молчание.

— Летом здесь намного красивее. Всё зеленеет, а закаты просто невероятные. Иногда кажется, будто небо горит.

— Охотно верю, — улыбнулся Даня. — Сейчас пока всё выглядит... немного грустновато.

— Весна всегда такая. Просто нужно немного подождать.

Разговор постепенно завязался сам собой. Они обсуждали природу, любимые времена года, музыку, фильмы, смешные истории из детства. Иногда темы менялись совершенно случайно, но обоим становилось всё легче и свободнее друг с другом.

Подойдя к одному из перекрёстков, Даня неожиданно заметил впереди знакомую фигуру. Навстречу им шла рыжеволосая девушка из школы — та самая, что собирала пожертвования. Рядом с ней шагал высокий парень спортивного телосложения.

Обе пары молча прошли мимо друг друга. На мгновение Даня поймал на себе холодный, почти презрительный взгляд девушки. Парень рядом с ней, напротив, посмотрел с обычным любопытством. Даня не остался в долгу и ответил Карине столь же пренебрежительным взглядом. Когда они разошлись, он обернулся им вслед.

— Это девчонка из моего класса, — сказал он Алисе. — Странная какая-то. Почему-то злит на меня без всякой причины. Алиса тихо усмехнулась.

— Не обращай внимания. Это Карина Лисова. Она действительно... своеобразная.

— В смысле собирает пожертвования?

— В смысле считает себя загадочной и никем не понятой. Хотя деньги, кстати, действительно собирает для местных приютов для животных. А ещё одевается так, будто её стилист — болотная жаба. Иногда мне кажется, что у неё дома даже диван обтянут жабьей кожей. Даня не выдержал и рассмеялся.

— Жёстко.

— Зато честно, — она тоже улыбнулась. — Хотя меня куда больше удивляет Игорь.

— Тот парень рядом с ней?

— Ага. Он тоже учится с вами. Местная звезда хоккейной команды. Симпатичный, популярный... Не понимаю, зачем он постоянно ходит с Кариной. По-моему, она только всё портит.

Следующие несколько часов пролетели почти незаметно. Они болтали обо всём подряд. Разговор перестал быть натянутым, а неловкость, поначалу висевшая между ними, бесследно исчезла. Постепенно они дошли до лесопарка. Солнце уже окончательно скрылось за горизонтом, между деревьями сгустились сумерки, а воздух становился всё прохладнее.

— Кстати... — вдруг сказала Алиса, останавливаясь. — Посмотри.

Она встала чуть впереди, подняла голову к небу и указала рукой вверх.

— Отсюда очень красиво видно луну между деревьями.

Парень поднял взгляд. Полная луна медленно всходила над тёмными верхушками сосен, заливая редкие облака серебристым светом. Несколько секунд оба молча смотрели на ночное небо. Не замечая ничего вокруг, Алиса сделала небольшой шаг назад, закружилась, раскинув руки в стороны, — и почти сразу потеряла равновесие. Ещё мгновение — и она уже оказалась в руках Дани: он успел поймать её за талию, не дав упасть.

— Аккуратнее, — тихо сказал он.

Девушка подняла на него глаза.

— Я...

Но договорить не смогла.

Она заметила, что взгляд Дани прикован к её губам. Время будто остановилось. Воздух вокруг неожиданно стал тяжёлым и тёплым, хотя прохладный ветер по-прежнему гулял между деревьями. Сердце Алисы забилося быстрее. Она смотрела в его тёмно-карие, почти чёрные глаза и чувствовала, как постепенно теряет способность думать о чём-либо ещё. Даня же не воспринимал происходящее как что-то особенно романтическое. Скорее это был момент, в котором просто не хотелось ничего прерывать. Алиса не пыталась отстраниться — напротив, она продолжала смотреть ему в глаза, и этого было достаточно. Медленно сокращая расстояние между ними, парень осторожно притянул девушку ближе, всё ещё удерживая её за талию. Алиса медленно закрыла глаза. До поцелуя оставались считанные сантиметры. И именно в этот момент громкий звонок телефона разрезал вечернюю тишину. Мелодия прозвучала слишком громко и слишком настойчиво. Даня раздражённо выдохнул. Телефон продолжал звонить. Пришлось отпустить девушку и достать его из кармана. На экране высветилось имя нового приятеля — Кирилл. Парень удивлённо нахмурился. Они познакомились совсем недавно, но уже успели неплохо поладить. Звонок в такой момент выглядел как минимум странно. Даня вопросительно взглянул на Алису, будто молча спрашивая разрешения ответить. Она лишь слегка кивнула. Из динамика сразу же донёсся взволнованный голос Кирилла.

— Ало, Москва, мне срочно нужна помощь. Я сейчас скину тебе адрес. Приезжай как можно быстрее. Я не знаю...

Связь оборвалась. В трубке остались только длинные гудки.

Даня ещё несколько секунд смотрел на экран телефона, пытаясь понять, что вообще произошло. Голос Кирилла звучал настолько тревожно, что внутри неприятно сжалось. В голове одна за другой возникали версии: драка, несчастный случай, серьёзные неприятности... ни одна не казалась невозможной. Он тяжело вздохнул и виновато посмотрел на Алису.

— Прости... Похоже, правда случилось что-то серьёзное.

Девушка понимающе улыбнулась, хотя в её глазах на мгновение промелькнуло разочарование.

— Иди. Потом расскажешь.

— Я вызову тебе такси.

Даня открыл приложение и заказал машину. Только убедившись, что автомобиль уже в пути, он наконец перевёл взгляд на новое сообщение от Кирилла. На экране появился адрес.

Глава 4 Желтые тюльпаны

Гаражный кооператив встретил его мерзкой моросью — то ли снегом, то ли дождём, не разберёшь. Холодные льдинки хлестали по лицу, и с каждым шагом неприятное липкое чувство тревоги разрасталось всё сильнее. Вечер принёс не только промозглую сырость, но и джинсы, насквозь мокрые до самых икр. Включив фонарик на телефоне, парень перепрыгивал через лужи и сверял номера гаражей с сообщением, стараясь не сбиться с пути. Лампочки кое-где нервно мигали, словно в дешёвом фильме ужасов, и совсем не внушали доверия — казалось, вот-вот погаснут насовсем. Он шёл всё дальше, погружаясь в лабиринт бетонных коробок, и не заметил, как ноги сами вывели его к самому последнему гаражу. Наконец номер на облупившейся двери совпал с нужным — это здесь. Дане вдруг стало не по себе: холодный воздух пах сыростью и старой резиной. Подступив к ржавой двери, он потянул длинные пальцы к ручке. И тут, как назло, старая лампочка над входом резко вспыхнула, пару раз болезненно моргнула, вычерчивая на бетоне пляшущие тени, и погасла окончательно, погрузив двор в липкую темноту. Дверь поддалась на удивление легко — будто её специально оставили незапертой. Он распахнул её до конца, и металлический скрип резанул слух. Нагнувшись, чтобы пройти в низкий проём, Даня вдруг заметил неладное. В полумраке тесного помещения, пропахшего бензином, моторным маслом и ещё чем-то металлическим, взгляд упёрся в центр комнаты. С потолка, прямо посередине, свисал длинный тёмный силуэт. Сердце ухнуло куда-то вниз, в груди мгновенно разросся ледяной ужас. Испугавшись, что Кирилл мог натворить глупостей, Даня сорвался с места и ворвался внутрь, едва не задев плечом косяк. Дыхание сбилось мгновенно, сердце колотилось так, что пульс отдавался в висках тяжёлыми глухими волнами, заглушая все остальные звуки. Не раздумывая ни секунды, он подлетел к другу, схватил его за ноги и крепко приподнял, пытаясь снять с воображаемой петли. На несколько мгновений в гараже повисла звонкая, напряжённая тишина, нарушаемая лишь мерным капаньем воды где-то в углу. Кирилл посмотрел на друга сверху вниз, слегка покачиваясь в его руках, и в глазах у него плясали смешинки.

— Я, конечно, тоже рад тебя видеть, — голос Кирилла прозвучал подозрительно бодро, — но ноги целовать не буду.

Даня вскинул взгляд и только теперь разглядел, что в руках у приятеля зажата старая лампочка накаливания, а сам он преспокойно стоит на шаткой табуретке. Облегчение вспыхнуло в груди почти мгновенно — и тут же сменилось глухим раздражением.

— Ты придурок? — выдохнул Даня, чувствуя, как к лицу приливает кровь. — Кто вообще так поступает? Я подумал, ты...

— О чём ты, москвич? — Кирилл невинно хлопнул ресницами, хотя в голосе уже проскальзывали смешливые нотки.

Даня отпустил ноги друга, и тот мягко прыгнул на табуретку. Сделав шаг назад, парень запустил руку в волосы, взъерошил их и шумно выдохнул, пытаясь унять дрожь в пальцах.

— Зачем названивать и так пугать, а? Я думал, с тобой что-то случилось!

Тут до Кирилла наконец дошла суть ситуации. Он перевёл взгляд на лампочку в руке, затем на перекошенное лицо друга — и его пробило на громкий, залиvistый смех, эхом разлетевшийся по гаражу.

— Ооо, Даня, это так мило, что ты переживаешь обо мне, — Кирилл — крепко сбитый, широкоплечий парень с вечно взъерошенными волосами и хитрым прищуром — прыгнул с табуретки на бетонный пол; мелкие пылинки, поднятые кроссовками, осели на шнурках. Он подошёл ближе, лукаво прищурившись.

— Но если что, я люблю жёлтые тюльпаны. Он сделал пару шагов назад и, не выдержав собственной шутки, начал игриво напевать знакомый мотив, слегка пританцовывая:

— Жёлтые тюльпаны — вестники разлуки... Жёлтые тюльпаны помнят твои руки... — голос Кирилла звенел в тишине гаража, разгоняя остатки напряжения.

— Ты в девяностых застрял? — Даня пристально посмотрел на друга, но в его взгляде уже не осталось тревоги, только усталая улыбка. Кирилл пожал плечами и спрятал улыбку в напускной серьёзности, хотя глаза всё равно выдавали его веселье.

— Ладно, ладно. Но дело и правда было срочное. Я ради тебя даже за этой лампочкой в круглосуточный магазин сгонял.

Кирилл прошёл к выходу, потянулся к старому потрёпанному выключателю и щёлкнул им. Тесное, пропахшее машинным маслом помещение озарилось тусклым тёплым светом. Лампочка мягко загудела, и в этом гуле было что-то по-домашнему уютное. Пока Даня всё ещё стоял в ступоре, растирая ладонью затылок, Кирилл подошёл к тяжёлому брезентовому тенту, скрывавшему нечто крупное, и резким движением сдёрнул его. В воздух взметнулось облачко пыли, оседая на плечах обоих парней.

— Хотел показать тебе эту малышку, — с гордостью произнёс Кирилл, и в его голосе прозвучало неподдельное восхищение. Он указал рукой на подержанный, но крепкий на вид мотоцикл, который блестел даже под слоем пыли. Металл отливал хромом, а рукоятки будто сами просились в ладони.

— Твою ж... — выдохнул Даня, подходя ближе и медленно проводя пальцами по холодному железу, ощупывая каждый изгиб. — Мать... — договорил он, разглядывая мощный двигатель и тонкие, стильные линии рамы.

— Про мать было лишнее, но в целом согласен — он тот ещё монстр, — Кирилл подошёл к Дане и дружески хлопнул его по плечу, стиснув пальцами рукав куртки.

— Как родители вообще согласились? — переспросил Даня, всё ещё пребывая в лёгком трансе. В голове не укладывалось, как Кириллу удалось всё это проверить.

— Да нормально, — пожал плечами тот, и голос его стал чуть тише, теплее. — Ещё в детстве увидел мотоцикл — и заболел этим. Родители поддержали, но сказали копить самому. Так что вот, — он с гордостью оглядел своё сокровище. — В январе, сразу после дня рождения, получил права и в тот же день купил этого коня.

— Ну ты зверь, конечно, — Даня с уважением хлопнул парня по плечу и, улыбнувшись, кивнул в сторону двухколёсного друга. — Можно присесть?

Кирилл усмехнулся и отступил на шаг, разводя руками, освобождая пространство.

— Валяй.

Даня одним лёгким, отработанным движением оседлал мотоцикл, удобно устроился на сиденье и сжал рукоятки. Кожа перчаток приятно скользнула по резине.

— У тебя права-то есть? — с притворной строгостью спросил Кирилл, скрещивая руки на груди.

— Нет, — честно признался Даня, сверкнув глазами. — Но обещаю не гонять.

— Конечно, в гараже особо не погоняешь, — фыркнул Кирилл, отходя к полке с банками и винтиками, чтобы казаться занятым, но взгляд его то и дело возвращался к другу на мотоцикле.

— Как тебе вообще наша школа? — спросил он, присаживаясь на край стеллажа с инструментами.

— Да нормально, — задумчиво протянул Даня. — Пара странных людей есть, а так — обычная. Все пытаются казаться круче, чем есть на самом деле.

— Это ты про кого? — Кирилл вскинул бровь, разворачиваясь к другу.

— Лома... Ломаев вроде, — пожал плечами Даня, не оборачиваясь. — Бесит иногда своей показухой.

— Он в нашем хоккейном клубе, что-то вроде местной гордости школы, — Даня наконец повернулся к приятелю. — Ещё вечно ходит с Лисовой. Они вроде как встречаются, но я не уверен. Каринка его как будто специально морозит, играет с ним.

— А ты, я слышал, с Алиской встречаешься, — Кирилл многозначительно заиграл бровями, ухмыляясь. Даня вздохнул, отводя взгляд в сторону.

— Она вроде нормальная, — ответил он, понизив голос. — И если бы ты не позвонил мне с этим дурацким спектаклем, мы бы, скорее всего, сегодня поцеловались. А так... Она чем-то похожа на девчонок из моего класса в Москве. Такие же взгляды, та же манера говорить. Кирилл понимающе кивнул, и его улыбка стала мягче. Он подошёл ближе, легонько стукнул друга по плечу и сказал:

— Ладно, москвич. Живы будем — не помрём. А пока... — он кивнул на мотоцикл, — готовься, на днях покатаемся.

Глава 5 Гранатовый браслет

В классе стояла та особенная тишина, которая бывает только на последнем уроке. Литература после физкультуры — это всегда испытание на прочность. Она ощущается как обманчивая радуга после ливня: ты уже мокрый и уставший, и единственное, чего хочется, чтобы это наваждение поскорее закончилось. Половина класса даже не удосужилась переодеться. Спортивная форма, пропитанная потом и хлоркой из бассейна, липла к телу, но сил возиться с футболками уже не оставалось. Все мышцы предательски ныли после кросса, а веки тяжелели с каждой секундой, будто к ним привязали свинцовые грузила. Хотелось только одного: чтобы стрелка часов перевалила за «три», и можно было, сломя голову, вылететь из душного кабинета на свежий воздух, домой, где ждали ужин и тишина. Тишина в классе стояла настолько плотная, что, казалось, можно было расслышать, как потрескивают и накаляются нити в старых люминесцентных лампах под потолком. Сон клонил неумолимо. Кто-то откровенно положил голову на скрещенные руки, кто-то бессовестно уткнулся носом в учебник, рискуя оставить на странице след от слюны. Учительница, казалось, боролась с этим гипнозом в одиночку. И лишь её голос — ровный, чуть хриловатый от возраста, но всё ещё цепкий — выдёргивал класс из липкого плена дрёмы и возвращал обратно в реальность, где на доске было написано имя Куприна. Она дочитала последнюю строчку произведения, аккуратно, с почти ритуальным спокойствием, закрыла учебник и положила ладони на обложку. Взгляд скользнул по рядам, выискивая жертву. Тишина стала ещё более звонкой.

— Итак, — голос прозвучал негромко, но от него по спинам пробежали мурашки. — О чём же был «Гранатовый браслет»? Писал ли Куприн о любви? — Она сделала паузу, давая всем прочувствовать тяжесть вопроса. — Нам ответит Карина Лисова.

Карина вздрогнула. Собственное имя прозвучало как гром среди ясного неба. Обычно её не трогали — она умела быть незаметной. Спасало стратегическое место за предпоследней партой, где надёжным щитом возвышалась широкая спина Давыдова Артёма — крупного, добродушного парня с вечным румянцем на щеках, которого за его комплекцию все ласково звали «Ватрушкой». К слову, прозвище его ничуть не задевало — он даже немного гордился им и носил кличку как почётный титул. Карина, очнувшись от размышлений о том, как бы поскорее добраться до дома, медленно поднялась со стула. Ножка противно скрипнула по линолеуму.

— Я считаю, что Куприн... — начала она, но голос предательски дрогнул.

Она замолчала на пару секунд, лихорадочно пытаясь собрать разбегающиеся мысли в стройное предложение. В голове ещё шумело после физкультуры, а перед глазами стояла сетка баскетбольного кольца. Но этого короткого замешательства хватило, чтобы её перебили.

— ...Садовод, — раздался чей-то приглушённый смешок с противоположного ряда. — И ты тоже хочешь быть садоводом, да, Лисова?

Карина почувствовала, как к щекам прилила горячая волна злости. Весь класс, да что там почти вся школа знали, что её мама настоящий фанат своего дела. Она занималась ландшафтным дизайном, и её цветочные композиции можно было встретить даже в самых пафосных уголках города, где обычно красовались только скучные газоны.

— Айдаров, отвали, — процедила она сквозь зубы, метнув в сторону обидчика уничтожающий взгляд. Злость придала сил, и голос зазвучал твёрже. Взгляд учительницы, как лазерный скальпель, разрезал воздух. Он мгновенно погасил зарождающийся гул и остановился на Карине. Лёгкий кивок подбородка дал понять: продолжай, не отвлекайся. Карина глубоко вдохнула, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

— Я считаю, что Куприн... смеялся над любовью, — выпалила она. — И эта книга вообще не о любви. Нельзя выбрать человека, с которым ты не можешь быть. Это иллюзия. Он сам это прекрасно понимал, поэтому и написал такой трагичный финал — как приговор. В этот

момент с левого ряда донёлся едва слышный смешок. Данил, который всю пару бездарно рисовал что-то на полях тетради, явно заинтересовался какой-то шуткой соседа по парте. Карина видела, как он прыснул в кулак, даже не попытавшись скрыть веселья. Весь класс, как по команде, повернул головы к парте Дани и Кирилла. Возникла та самая неловкая, но любопытная тишина, когда все замирают в ожидании продолжения. Учительница с усталым, но железным спокойствием откинулась на спинку стула.

— Данил, поделитесь и вы, — сказала она, и в голосе послышалась сталь. — Мы тоже хотим посмеяться.

Данил поднял голову, его взгляд на секунду растерял всю наглость.

— Вам не понравится, — ответил он, но в голосе сквозила не столько уверенность, сколько плохо скрываемая неловкость.

Учительница не стала давить, а просто задала вопрос уже всей аудитории, но глядя прямо на него:

— Что ты думаешь насчёт слов Карины? Это ведь была её гипотеза.

Данил нахмурился. Сначала он взглянул на Карину с лёгким негодованием, будто она лично испортила ему всё веселье от урока, потом перевёл взгляд на учительницу и пожал плечами.

— Ну... нормально, — протянул он. — Садоводы — они полезные в мире. Это же круто, когда вокруг всё зелёное.

По классу прокатилась волна смеха. Данилу такой успех явно льстил. Он даже приосанился, наслаждаясь вниманием. Карина смотрела на него с тем же выражением, с каким обычно смотрят на маленьких глупых детей, ляпнувших что-то нелепое на взрослом празднике. Ей хотелось просто испариться, провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть этого нелепого представления. Но учительница была непреклонна. Она настойчиво повторила вопрос, требуя осмысленного ответа уже по существу книги.

— Ладно, — Данил закатил глаза и вздохнул, будто делал всем огромное одолжение. — Куприн не смеялся. Он просто хотел показать, что любить по-настоящему могут только неудачники. Что человеку нравится страдать от неразделённой любви — это же прямо его конёк: делать из мужиков тряпок.

Карина не выдержала. Внутри всё вскипело. Этот поверхностный, пошлый вывод был оскорбителен не только для писателя, но и для её собственных мыслей.

— По-твоему, он написал это, потому что знает о любви больше всех? — выкрикнула она, даже не заметив, как повысила голос. — Он просто показал пропасть! Что нельзя быть вместе, когда вы из разных миров, разных слоёв. Это не про страдания — это про невозможность перешагнуть через стену!

В классе воцарилась абсолютная тишина. Все сидели не шевелясь, как в театре, наблюдая за этой перепалкой. Воздух будто наэлектризовался.

— А вот с этим я согласен, — неожиданно легко отозвался Дани, и в его голосе послышалась та самая хитрая усмешка. — Нельзя, чтобы высшее общество находилось в одном помещении с отбросами. Карина почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, с трудом сдерживая дрожь в голосе.

— А то, что попрошайки и элита не могут учиться в одном классе. Это нечестно, — бросил он, не глядя на неё.

— Ты идиот! Что ты несёшь? — выпалила она, чувствуя, как от злости перехватывает дыхание. Она хотела добавить ещё что-то язвительное, но учительница резко оборвала их, звонко хлопнув учебником по столу. Звук разнёсся по классу, как выстрел.

— Молодые люди! — голос её прозвучал ледяным тоном. — Вы, кажется, отошли от содержания книги на световые годы. Или вы обсуждаете Куприна, или я ставлю вам обоим

неуды за поведение. Как назло, в этот момент за дверью пронзительно и настойчиво зазвенел звонок. Но учительница и бровью не повела.

— Я вас ещё не отпускала! — отчеканила она. — Все сели на свои места!

С громкими протяжными вздохами класс зашуршал, заскрипел стульями, но подчинился. Гул возмущения стих.

— Карина и Данил, — учительница обвела их пальцем, — к следующему занятию сдадите мне общий конспект. С подробным объяснением: что же в итоге имел в виду Куприн.

Аргументы, цитаты — и никаких «садоводов». Всё, урок окончен.

Все вскочили разом. Сломая голову, хватая рюкзаки и учебники, ученики бросились к выходу, будто их выпустили из клетки. Карина задержалась у своей парты, в расстроенных чувствах собирая разбросанные листы. Мысли путались, руки дрожали, а в голове эхом звучала эта дурацкая перепалка. Она уже почти вышла, когда у двери её нагнал Игорь. Он был одним из немногих, кто всегда держался нейтрально.

— Не обращай внимания на этого придурка, — сказал он, заглядывая ей в глаза, пытаясь утешить. — Он просто хотел выделиться.

— Нет? — Карина почти взвизгнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слёзы злости. — Ты не понимаешь! Мне теперь с ним делать это задание. С ним! Вдвоём! Это же пытка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.